Алексей Бербут

Алексей Бёрбут

Атаман

«Автор»
2026

Бёрбут А.

Атаман / А. Бёрбут — «Автор», 2026

Жестокий атаман, уставший жить в бегах, берёт Сибирь для царя, спасая её от купцов-волков, и слишком поздно понимает, что привёл на землю саранчу. Он гибнет, а власть делает из него икону, стирая живого человека.

© Бёрбут А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13

Алексей Бёрбут
Атаман

Глава 1

Гриня был счастлив. Насад шёл вверх по Волге третью неделю. Большая река не любит, когда кто-то ходит против течения и всем, кто это делал, она это быстро объясняла. Когда дул ветер, мужики ставили парус, и тяжёлое, плоскодонное судно, подставляя осеннему солнцу наращённые борта, ползло по воде, как боярская вдова по церковному двору. Когда ветра не было, садились на вёсла, а то и вовсе вылезали на берег, впрягались в лямки и тащили посудину бечевой. Удачей было, если рядом была деревня. Тогда можно было нанять мужиков, а не тащить насад самим.

Гриня однажды попробовал помочь взрослым и тут же пожалел об этом. Хватило его только шагов на сто. Волжский берег с корабля, казавшийся ровным лугом, был покрыт ямками, кочками, и даже простая ходьба по нему была мучением. А уж когда ещё и верёвка больно режет грудь - тем более.

Осень хозяйничала уже вовсю. Тальник пожелтел, на откосах краснел шиповник, а по утрам над водой стоял такой густой туман, что кормщик не видел собственного носа, не говоря уж о носе судна. В такие часы пережидали у берега.

Сегодня Гриня спокойно сидел, прислонившись к высоким дополнительным доскам борта и слушал, как плещет вода реки. Борт был таким высоким, что скрывал Гриню целиком. Оттого такие суда и звали насадами: борта у них «насаживали» досками повыше, чтобы груз не заливало. Напротив, на палубе по-турецки сидел отец. Широкий, спокойный, с аккуратно подстриженной бородой.

На нём был добротный, но не вычурный кафтан, а на поясе кошель и нож в простых ножнах, без серебра и камней. Отец считал, что богатство надо держать в товаре, а не на себе. Людей, обвешанных золотом, отец презирал. Таких любой разбойник заметит издалека. А то, что лежит в трюме, не видно никому.

Отец был для Грини всем. Мать Гриня не помнил, она умерла, едва он родился, бабок и дедов тоже не осталось. Не было у Грини ни дядьёв, ни тёток, которые заглянули бы на Пасху. В жизни маленькой семьи был только дом, лавка, да нянька. Толстая, добрая, пахнувшая луком, но чужая. Когда отец уезжал, дом пустел. Когда возвращался, он снова становился домом.

Почему так вышло, Гриня знал из рассказов отца. Отец любил рассказывать историю семьи. Семья Грини была из Великого Новгорода. Прадеда вывели оттуда мальчишкой, вместе с отцом и матерью, когда Иван III решил, что слишком уж вольные новгородцы Москве ни к чему. Их привезли в Нижний, где их никто не знал, и где никого не интересовало, что Гринин род торговал с немцами ещё при вечевом колоколе.

- Из Новгорода Великого в Новгород Нижний спустили, - сказал прадед.

Шутка была невесёлая, но умная и передавалась из поколения в поколение, как фамильное серебро.

Обиду на московских прадед хранил всю жизнь и передал своему сыну. Дед Грини родился уже в Нижнем, но ещё говорил свободно по-немецки и по-польски, как велось в старых торговых новгородских семьях.

Когда на торгу появлялся заезжий немец, дед сразу бежал знакомиться. Москву дед ненавидел люто, как ненавидят вора или непогоду.

- Даже ветер с их стороны смердит, - любил говорить дед. Ездить на московские торги он не хотел, и даже когда в лавку заходил московский купец, дед отказывался вести с ним дела. Но,

зато, когда Астрахань стала московской и открылся путь на юг, дед первым из нижегородцев начал ходить в Персию.

Пока дед с товаром был в дальних местах, своего сына, будущего отца Грини, он оставлял дома, при лавке и счётной книге. Мальчишке было всего шестнадцать, но считал он уже быстрее самых опытных приказчиков.

В Персию дед ездил трижды, и на третий раз он не вернулся.

Весть о его гибели пришла только следующим летом. Её привёз армянский купец, который и сам знал немного: ночь, караван-сарай, а наутро русского нашли с перерезанным горлом, без товара и кошеля. Кто это сделал, так и не дознались. Вот так всю жизнь нижегородцы боялись волжских воров, а деда зарезали там, где он считал себя среди друзей. За морем, у людей, с которыми он уже дважды пил шербет.

Когда новость о гибели деда разлетелась по городу, новгородское купечество махнуло на семью рукой. Все ждали, что мальчишка прогорит. Все были уверены, что к зиме он продаст лавку. Но отец Грини справился. Он распродал, всё что мог, чтобы расплатиться с долгами, спал по четыре часа, но к двадцати годам поехал в Персию уже сам.

А потом сделал то, чего дед никогда бы не простил: наладил торговлю с Москвой. Сын понял то, чего не хотел понимать старик - теперь Москва платит лучше. Зачем нижегородскому купцу учить немецкий и польский отец Грини никогда не понимал, но зато где выгода - понял сразу.

Женился отец поздно, на тихой девушке, которая умерла первыми же родами. Жениться второй раз он не захотел и всю нерастраченную любовь отдал сыну.

В Персию теперь он тоже ездил регулярно, но каждый раз, собираясь в дорогу, долго стоял на пороге, не решаясь выйти. Однажды Гриня услышал как отец говорил слуге, что больше всего боится не вернуться как Гринин дед. Поэтому, когда Грине исполнилось десять, отец решил - всё, хватит. Мальчик не должен остаться один, как когда-то остался он сам. И пусть знает товар, дорогу, людей. Пусть учится.

Весной они вышли по большой воде на насаде, а в Астрахани пересели на морское судно, потому что по морю насады не ходят. Гриня никогда не видел моря и думал, что оно как Волга, только шире. Но всё оказалось иначе. На третий день пропал берег. Вода стала серой, потом синей, а потом такого цвета, какого Гриня ещё никогда не видел. Корабль качало, Гриню тошнило, но с палубы он не уходил. Кричали чайки, ветер пах солью, а отец сидел рядом и делал вид, что всё в порядке.

Персия встретила непривычной жарой. В Нижнем такой никогда не бывает, даже в июльский полдень: она стояла в воздухе, будто стена. На базаре у Грини закружилась голова от нового. Сушёные абрикосы, инжир, розовая вода, жареный лук, верблюжья шерсть, пряности. Каждый товар жил на своей улице: сукно отдельно, ковры отдельно, серебро отдельно. Базар словно шёл строем.

Торговались не спеша, с угощением, и спор больше походил на беседу. Каждое утро над городом разносился протяжный напев.

- Это местный поп зовёт народ молиться, - объяснил отец.

У персов дела были плохи. Шла какая-то война. Турки брали у шаха город за городом, на дорогах было неспокойно, цены росли, и отец всё время оглядывался, опасаясь воров.

Ткани они покупали у местного купца по имени Ахмед. Сухой старик с руками, как у резчика по кости, и хитрыми глазами, которые, казалось, видели, сколько ты готов заплатить, раньше, чем ты сам это понимал. Ахмед совал Грине сладости и льстил, называя «маленький купец». Отец торговался с ним полдня. Потом они пожали друг другу руки, и Ахмед приказал слугам отнести товар на корабль.

Обратно возвращались поздно. Лето закончилось, в Астрахани каждую неделю прибавлялось вестей о заморозках, и отец считал дни по пальцам.

- Если до льда не доберёмся, - говорил он кормщику. - Застрянем под Казанью и придётся зимовать. С товаром и с мальчишкой.

Кормщик, старый и седой, пожимал плечами. Он знал, что река не спрашивает, куда торопится человек.

Но Гриня всё равно был счастлив. Он видел море, видел страну, где люди говорят и молятся иначе, и теперь вместе с отцом возвращался домой.

В полдень, когда туман наконец ушёл и впервые за три дня вышло солнце, сделали привал. Староста, который поручился за мужиков, не соврал: люди оказались работящие. На привале они расселись у отдельного костра, варили кашу с салом, резали ржаной хлеб. Харч по обычаю шёл хозяйский, и отец, хоть и считал каждый грош, на еде для работников не экономил.

Пока Гриня ел, отец посматривал на небо, а потом встал и пошёл на корабль.

Вернувшись, он положил перед Гриней кусок красной кожи. Устраивать такие неожиданные уроки отец любил.

- Что за товар? - спросил он Гриню.

Гриня взял кожу, согнул пополам и провёл пальцами по поверхности.

- Кожа.

- Это и так понятно, - рассмеялся отец, - а какая?

- Мягкая.

Отец вздохнул так, как вздыхают люди, которым предстоит трудная работа.

- Сафьян. Козлиная кожа. Красят в красное, зелёное, жёлтое. Она не мнётся, не трескается на морозе, и цвет годами держать будет. Это на башмак, кошель, книгу. За неё денег не пожалеют.

Потом отец положил перед Гриней второй кусок кожи. Толстый, тёмный, с резким дегтярным запахом. Гриня провёл по нему ногтем. От ногтя остался белёсый след.

- Юфть?

Отец довольно улыбнулся.

- Верно, юфть. На сапоги, ремень, сбрую. Тут красота не главное. Важно, чтоб вода не брала, и на морозе кожа не дубела.

Отец согнул кусок юфти и отпустил. Кожа уверенно распрямилась.

- Запомни: товар мало увидеть, его почувствовать надо. Глаз обманет. Лавочник тебе покажет изнанку. С виду всё красивое, а самая гниль внутри спрячется. Ты сначала потрогай, понюхай, а уж потом на цену смотри.

- А если он обидится?

- Лавочник? Обидится - значит, дурак. Дел с таким иметь не надо.

Отец убрал обе кожи и достал свёрток тёмно-синего сукна. Развернул, разгладил ладонью. Руки у него вдруг стали заботливыми.

- А вот это сукно. Кафтан из такого и ветер держит, и носится долго. Такое всем нужно. И в Нижнем, и в Москве, и в Персии.

- Оно дорогое?

Отец пренебрежительно махнул рукой.

- Нет, простое. Дорогой товар особого ухода требует.

Отец посмотрел на Гриню с сомнением, но потом встал и снова поднялся на насад. Вернувшись отец принёс деревянный ларец, который Гриня много раз видел у отца на полке над лавкой. Отец отпер ключом замочек и поднял крышку. Внутри лежали небольшие свёртки, каждый в тонком полотне. От них приятно пахло сухими травами, которые кладут в ткань от моли.

В ларце отец выбрал один из свертков и осторожно развернул. Гриня замер. Внутри оказалась тонкая, гладкая ткань глубокого бордового цвета, густого, как вино. Не блестящая, а тёмная и мягкая, словно впитывающая свет. И в этот цвет были вплетены серебряные нити, такие тонкие, что сразу их даже не заметишь. Нити шли узором из длинных листьев и птиц с изогнутыми шеями.

- Это что? - восторженно вздохнул Гриня.

- Это объярь. Особый шёлк персидский, - отец понизил голос. - Его из Шемахи возили. А теперь война и товара не будет долго.

Отец расправил ткань и дал сыну потрогать.

- Только осторожно! Не тяни. Нить порвётся, и всё.

Гриня взялся за край шёлка двумя пальцами. Ткань была такая гладкая, что почти не чувствовалась. Будто держишь не материю, а летний ветер.

Отец повернул ткань к свету. Солнечный луч лёг на шёлк, и серебряные нити вспыхнули. Искры побежали по узору, и птицы будто шевельнули крыльями. Отец чуть повернул руку, и блеск погас, остался только густой тёмный бордовый цвет. Повернул ещё раз, и свет опять пробежал по ткани.

- Вот это по-настоящему дорого, - сказал отец тихо. - Боярыне на летник, а то и выше. За один такой отрез в Москве дом поставить можно.

- Эка, дом! - сказал кто-то у большого костра и засмеялся.

Отец сразу напрягся. Он быстро завернул шёлк, уложил его в ларец и всё спрятал. Стало совсем тихо. Только потрескивал костёр и где-то далеко кричала волжская чайка.

Отец обеспокоенно обвёл взглядом лица мужиков. Лица были как лица. Усталые, обветренные, равнодушные. Работники жевали, смотрели в свои миски. Купец недовольно поёрзал на бревне, но успокоился. Ему даже стало немного стыдно за свою чрезмерную осторожность. А ещё через час мужики снова впряглись в лямки, и насад пополз дальше.

Глава 2

Деревня стояла в стороне от реки, в полуверсте от берега, и к ночи мужики, нанятые тащить насад, разошлись по своим избам. Только один из них не пошёл домой. Невысокий, жилистый, с тёмным лицом, он дошёл до околицы, оглянулся и свернул в овраг, где за ольховыми кустами паслась стреноженная лошадь.

У лошади сидел человек. Сидел он там давно, судя по тому, что успел обглодать целую краюху и даже сплюнуть в траву жёсткую корку.

- Ну? - спросил человек, не вставая.

- Дай отдышаться. Бегом бежал - сказал мужик.

- Не ври, не бежал ты. Шёл вразвалочку, как в церковь.

Мужик присел на корточки, выдохнул и понизил голос, хотя никого вокруг и так не было, кроме лошади да вечернего ветра.

- Купец богатый. Очень богатый!

- У вас, голодранцев, все богатые.

- Не, этот не как все. Он ткань заморскую везёт. Персидскую, с серебром. Достал сегодня на привале, на бревно положил и развернул. У меня аж ложка из рук выпала. Это, говорит, сынку своему, боярыне на летник. И сказал… - мужик облизнул губы, - за один отрез дом поставить можно.

Человек у лошади перестал жевать.

- Дом?

- Так и сказал. Не я один слышал. Просто остальные дураки, им лишь бы на кашу заработать. А я смотрю: ларец заперт, а ключ при нём. Значит, такой отрез там не один.

- И как они завтра пойдут?

- Парусом. Видишь, ветер поднялся. Через два дня у вас будет. Охраны у него двое, и те с пищалями, как с палками, ходят.

Человек у лошади встал. Был он помоложе мужика, поджарый, быстрый, с лицом человека, привыкшего ночевать в седле.

- Ладно, - сказал он. - Атаману скажу. Если возьмём, будет тебе доля.

- Не забудь! - сказал мужик. Голос у него дрогнул, и он сам это услышал. - Я рисковал. Если узнают, что я…

- Не забуду, - презрительно улыбнулся ночной собеседник.

- И ещё скажи. Скажи, что это я.

- Сказал же, что не забуду, - доглядчик вставил ногу в стремя. - Если выгорит. А если не выгорит, не обессудь.

Он вскочил в седло. Лошадь, отдохнувшая и злая, рванулась вперёд, и через мгновение стук копыт ушёл в сторону реки. Мужик остался один. Постоял, потёр шею, будто ему уже затягивали на ней петлю, и пошёл обратно в деревню, медленно, чтобы никто не заметил, где он только что побывал.

Казаки сворачивали стан. Лагерь торопливо занимался последними приготовлениями перед расставанием. Кто-то зашивал зипун, высунув язык и упорно попадая дратвой мимо дыры. Кто-то снимал с кустов пласты вяленой рыбы. Кто-то точил затупившуюся саблю. На рогожах сушили порох. Три дня туман лез во все мешки, и каждый бочонок приходилось раскрывать и ворошить, словно сено.

Делили и добычу летних грабежей. Понемногу, чтобы не передраться разом. В центре лагеря на бревне сидел старик с лицом, вырезанным будто из дубового пня, и ровным голосом выкликал имена.

Этого старика все звали Дедом. Ему было лет шестьдесят, и на Волге это возраст почтенный. За свою долгую жизнь он видел всё, что только можно было увидеть на реке. Деда побаивались, уважали и очень любили слушать его ночные рассказы у костра. Когда Дед садился говорить, вокруг него сразу собирались молодые.

- При Кудеяре это было, - заводил он очередную байку.

Казаки тихо замирали. Те, кому не было двадцати, про Кудеяра и не слышали, а Дед говорил о нём спокойно, будто про старого друга.

- Мужик был как мужик. Сапоги чинил, жену ругал, на зубы жаловался.

- А правда, что он брат царя? - спрашивали любопытные.

- Кудеяр-то? Да кто ж его знает! Говорил вроде да. А правда или брехал, не скажу.

Дед часто вспоминал такое, о чём давно забыли. Про Ваньку Косого, который взял на абордаж два струга. Про Федота Горелого, который завязывал лицо тряпкой, а тех, кто его увидел, убивал. Про Илью Однорукого, принявшего в Персии басурманскую веру. Казаки слушали его, раскрыв рты. Герои баек для Деда были как соседи по улице.

Семь стругов лежали на песке в лощине под обрывом, килем кверху, и с реки их было не разглядеть. Ивняк, глина да что-то длинное, тёмное, вроде стада спящих быков.

Струг был для казака всем. Жильём. Под перевёрнутым днищем спали в дождь. Конём. Струг быстрее любой купеческой посудины и стрелецкой лодки. Амбаром, где лежало добытое. Наконец крепостью - его борт, обложенный мешками, ни татарская стрела, ни стрелецкая пуля пробить не могли. А мог стать и струг гробом - если казак тонул, то тонул он вместе со своим кораблём.

Начинался струг с липы. Зимой, когда дерево спит и сок не ходит по стволу, в лесу выбирали самое толстое, прямое дерево. Ствол обтёсывали, долбили изнутри, пока не получалась струговая труба, длинная, как лодка, со стенками тоньше большого пальца. Её распаривали над огнём, пока дерево не размякало, а потом растягивали распорками. Борта расходились, как раскрытые ладони, и труба становилась широким днищем. Потом борта наращивали досками - дуб, сосна, доска к доске. Швы забивали паклей и заливали смолой. Нос и корма были одинаковыми, так что на узкой протоке не надо было разворачиваться. Сел на вёсла с другой стороны - и струг пойдёт назад. При попутном ветре ставили небольшую мачту с прямым парусом, а надо было прятаться - мачту валили, а струг превращался в чёрную полоску посреди камыша. В воде струг сидел так мелко, что там, где даже плоскодонный купеческий насад вставал на мели, струг легко скользил вокруг. Для разбойника на Волге струг был тем же, что и крылья для птицы.

Но липа, как всякое мягкое дерево, воду не любила. Потому перед долгой дорогой струги готовили так, как на рынке готовят к продаже коня. Каждый струг надо было осмотреть, ощупать, а то и выслушать. Постучишь по нему рукоятью ножа - гнилое дерево отзовётся глухо, здоровое звонко. А ещё приходилось регулярно лежать под днищем, выковыривая старую паклю из пазов, да потом ходить с ведром горячей смолы, заливать новую, не жалея. Потому что смола и пакля дешевле жизни.

С бугра над лагерем, где стоял дозор, донёсся топот копыт. По склону, не разбирая дороги, скатилась взмыленная лошадь. Доглядчик спрыгнул. Лошадь затряслась, раздувая бока и роняя пену.

К общему костру доглядчик не пошёл. Он быстро пробежал мимо остальных к Кольцу, и схватив его за рукав, зашептал что-то быстро, захлёбываясь, и тыча рукой вверх по реке.

Кольцо слушал, и лицо его менялось на глазах. Он был старше многих в ватаге, но при этом был лёгким на подъём, не в меру азартным и жадным до добычи. Невысокий, с острым хищным лицом и быстрыми глазами, он, казалось, просто не мог долго оставаться на одном месте. Был Кольцо хороший рубака, но плохой советчик - слишком уж любил дела, где можно взять быстро и много добычи. Вот и сейчас в нём зажёгся знакомый всем огонь. Такой сильный, что казаки перестали грузить мешки ожидая развязки.

Кольцо оттолкнул доглядчика и почти бегом пошёл вдоль берега, к дальнему краю лагеря.

Там, на бревне у остывающего костра, сидел человек.

В отличие от остальных, он был давно собран. Мешок его был затянут, сабля висела на ремне, а зипун застёгнут до горла. Человек сидел спиной к суете и равнодушно смотрел на угли. По его виду вообще нельзя было сказать, слышит ли он стоящий в лагере шум. Было ему лет под сорок, но он был широк в плечах, коренаст, с тёмной бородой и сединой у висков и даже сидя производил впечатление скрытой силы.

- Ермак, купец вверх идёт под парусом! Богатый! Ткани везет, шёлк, цены огромной! - затараторил в лицо сидящему подбежавший Кольцо.

Ермак отреагировал на новость даже не подняв головы.

- Не налютовались ещё за лето-то? Мошна скоро треснет, и всё туда же! Что с этим шёлком ты делать станешь? Лавку откроешь, или на голову заместо платка повяжешь, как баба? Вчера что решили? Завтра с рассветом уходим!

- Ну не серчай, Атаман. Последнее дело, и на зимовку. Больно уж, говорят, шёлк дорог! За один отрез дом поставить можно. Жалко такой упускать, - настаивал Кольцо.

- Шёлк, - повторил Ермак, всё так же глядя в угли, - ведь за гроши потом продадите! Да и те продуваните…

Кольцо промолчал, но ухмылку с лица не убрал. Хотя это и было правдой. Казачье серебро уходило стремительнее, чем весенняя вода. Вернувшись в городки, люди безудержно гуляли, и ещё до снега обычно спускали всё до последней полушки, а весной снова сбивались в ватагу совершенно нищие.

Ермак обернулся, посмотрел на Кольцо, на реку, на людей. Казаки вокруг стояли, бросив все дела, и смотрели на атамана. Все ждали. Ермак покачал головой, невесело вздохнул, но голос его смягчился.

- Где?

- О! Батька… вот это дело! - радостно расплылся в улыбке Кольцо.

Кольцо присел на корточки и принялся чертить палкой на мокром речном песке.

- Ночью по Волге они не пойдут, а значит, им у утёсов вставать. Берег там пологий, вода тихая…

Из-за спины Кольца кивнул согласно подошедший к берегу Дед.

- Кормщик не дурак, - продолжал Кольцо. - Ниже быстрина, выше мели. Дорога им одна - протокой.

Он воткнул палку в песок.

- Вот в протоке и возьмём.

- Протока там узкая, - негромко добавил Дед. - Канат поставить можно. Ворот у нас есть.

Ермак помолчал, глядя на воду. Туман расходился, и сквозь него проступал низкий противоположный берег с жёлтой каймой тальника. Он думал не о купце. Ермак думал о том, что осень давно на исходе, что люди устали, хотят домой. Что расходиться хотели ещё три недели назад, да вот одно дело, и ещё одно, а конца этому не видно. Но и отказаться было тоже нельзя. Потому что, если уйдёт Кольцо, с ним уйдут многие… Наконец Ермак решился.

- Лодки в камыш, - сказал он, а потом добавил, повернувшись к Кольцу: - Ты берёшь.

- Спасибо, батька! Этого барыша нам надолго хватит, - обрадовался Кольцо.

- Каждый год так говоришь! - махнул Ермак на него рукой.

Потом он встал и пошёл к стругам. Кольцо побежал заниматься воротом, а казаки за его весёлым возбуждением принялись за брошенную работу. Зимовка опять откладывалась.

Глава 3

Дерево Дед выбрал сам. Это был в два обхвата вросший корнями в берег вяз. Канат, толстый, как мужская рука, из просмолённой пеньки, пока лежал свёрнутый кольцами в траве. Его погрузили в лодку, и двое гребцов повели её поперёк протоки. Канат медленно разматывался за ней, как хвост. Чтобы он не плавал и себя не выдавал, через каждые пятьдесят шагов к канату привязывали камень. Он сразу уходил на дно, вода смыкалась и становилась обычной серой речной гладью. Когда конец, перевезли, его обмотали вокруг ствола и закрепили узлом, который Дед внимательно проверил.

Потом казаки сели ждать у ворота на другом берегу. Ворот был простой: барабан на столбе, а в барабане длинные рычаги - вымбовки. Такие ставят на судах, чтобы поднимать якорь. Конец каната продели в барабан, трижды обмотали, выбрали слабину, и остаток ушёл на дно, чуть подрагивая.

- Клин приготовьте, - приказал Дед.

Молодые принесли длинный, остро затёсанный клин. Дед положил его у ворота, а рядом тяжёлый молот. Когда судно врежется в канат, без клина ворот так рванёт обратно, что никакие руки не удержат. Вымбовки выбьет из ладоней, пальцы переломает, а если не повезёт, то и рёбра.

Лодки загнали в камыш ещё затемно, укрыли охапками тростника, так что со стороны протока выглядела, как всегда. Тёмная вода, осенний ветер, да редкие птицы.

Два дня казаки просидели в камыше, как лягушки. Костров на берегу не жгли. Два дня ели только холодное: вяленую рыбу, сухари. Воду пили из реки, отплёвываясь от тины. На второй день молодые уже не выдержали. Хотелось встать, потянуться. Но Кольцо, не повышая голоса, строго говорил: «Сядь», и казак покорно садился.

Ермак смотрел на всё это с полным равнодушием. Он лежал на подстеленном зипуне возле перевёрнутой лодки, вытащенной на песок, и задумчиво смотрел на осеннее небо. Кто-то предложил было убрать лодку, чтобы глаза не мозолила, но Ермак только отмахнулся. Пусть лежит. Таких лодок по берегам Волги валялось столько, что ещё на одну никто и не взглянет.

На исходе второго дня на бугре у излучины наконец появился всадник. Он радостно замахал руками и, ещё не доехав до камыша, закричал:

- Идут! Идут! Парусом! Верст шесть. Ветер хороший, к вечеру будут!

Камыш разом ожил, как муравейник, на который наступили ногой. Суеты не было: каждый знал своё место, потому что таких дел на Волге они переделали немало. Дед поднялся, отряхнул колени и сказал:

- Ну, пора!

Темнело. Ветер ещё усилился и камыш в протоке заходил волнами. Лодки с вооружёнными людьми с трудом удерживались в зарослях. В передней, на носу, сидел Кольцо и смотрел на воду. Лицо у него было такое, какое бывает у голодной собаки, учуявшей мясо. Над протокой, на толстой ветке, как кошка, устроился доглядчик. Четверо казаков встали у ворота.

- Теперь тихо, - сказал Дед, не повышая голоса.

Насад шёл под парусом.

Ветер был попутный и крепкий, и впервые за три недели река не сопротивлялась, а помогала. Парус гордо раздулся как грудь купчихи, снасти поскрипывали, а кормщик, старый, сутулый стоял у рулевого весла и радовался удаче.

Деревенских мужиков рассчитали ещё позавчера утром. Лямки стали ни к чему, и староста, получив своё, ушёл домой.

У борта насада показалась чайка, и Гриня разглядывал её во все глаза. Ему казалось, что они с отцом почти дома: ещё немного, и пойдут знакомые места. Отец стоял у борта и смотрел на берег. Недавний страх, за который ему было всё ещё стыдно, выветрился, как пар с воды, и теперь он улыбался, думая о чём-то своём.

- До темноты пройдём протоку, - сказал кормщик. - А там и у утёсов встанем.

- Хорошо, - кивнул купец.

На насаде как раз собирались зажигать фонарь, когда из воды перед самым носом вырвался канат.

Он вышел с шипением, в потоках стекающей воды, поднялся над поверхностью и натянулся, как струна. Растерянный кормщик только и успел крикнуть:

- Канат!..

Нос врезался. Удар был такой силы, что мачта затрещала, парус обвис и заполоскался на ветру, а судно развернуло всем бортом поперек протоки. Люди повалились, бочки с грохотом покатились по палубе, кто-то истошно орал, кто-то громко ругался. И в ту же секунду из камыша выскочили лодки. Шли они быстро, полные вооружённых людей, а казаки на них гребли изо всех сил. На носу передней, мастерски удерживая равновесие, стоял с обнажённой саблей Кольцо, и тянул руку к борту насада. До нападения оставалась секунда.

Купец вскочил на ноги и ему всё сразу стало ясно. Что лодки с казаками уже здесь, и что этот бой не выиграть, потому что охраны мало, а люди напуганы. И ещё он понял, что пощады не будет. Всё что можно было сделать, - попытаться спасти сына.

Гриня сидел на палубе, ошалело раскрыв рот. Отец схватил его за ворот, резко поднял и, не говоря ни слова, перебросил через высокий борт.

- Плыви к берегу и не оглядывайся! – крикнул он напоследок.

Больше сделать ничего было нельзя.

А дальше всё смешалось. Лодки подскочили вплотную, и на борт полезли казаки с кошками и верёвками. Один из охранников ещё успел выстрелить из пищали, а второй даже не успел её зарядить, перед тем как его срубили казачьей саблей. Купец выхватил из-за бочки топор, широкий, тяжёлый, и кое-как сумел рубануть казака, перелезавшего рядом через борт. Тот вскрикнул, разжал руки и сразу ушёл под воду. Но за ним, со всех сторон уже лезли другие.

Кормщика молча и быстро зарезали у весла. Остальных погнали по палубе и убивали по одиночке. Последнее, что увидел умирающий купец, – доски борта, слишком высокие, чтобы можно было понять, доплыл ли сын до берега или уже лежит всеми забытый на дне волжской протоки.

Но Гриня не утонул. Дрожа и отплёвываясь, он вынырнул, а потом, подчиняясь скорее инстинкту, чем разуму, Гриня поплыл к берегу. Несмотря на малый возраст, плавал Гриня неплохо, как и было положено волжанину. Хотя вода и была холодная, густая, чужая, а новые сапожки тянули вниз. Но Гриня бил руками, расплёскивал воду, и упорно продвигался и продвигался к спасительной полоске камыша.

Посередине протоки Гриня поднял голову и обернулся. Позади был насад: чёрный на фоне темнеющего неба, с метавшимися по палубе тенями. Оттуда всё ещё слышался звон сабель, хриплые возгласы нападавших и крики боли, уже совсем не похожие на человеческие.

- Тятя… - прошептал Гриня и заплакал.

Потом он отвернулся и снова поплыл. Упорно, настойчиво, изо всех сил. В это время с носа насада Кольцо краем глаза увидел светлую голову мальчика над водой и его барахтающиеся руки. Кольцо быстро глянул на берег, прикидывая, где мальчишка выберется, а потом отвернулся. Сейчас были дела поважнее.

Судно горело. Огонь полз по мачте, перекидывался на снасти и парус, превращая его в алый огненный цветок. Красные дрожащие блики играли на воде длинными неровными полосами. Казачьи лодки, низко осевшие от мешков и бочек, медленно возвращались к берегу. Из них слышались возбуждённые голоса и нервный смех людей, которые только что дрались, а теперь опьянели оттого, что остались живы. Всё было кончено.

Ермак сначала стоял у самой воды, а потом прошёл вдоль берега. У перевёрнутой лодки, он в удивлении остановился. Тут было темно и тихо. Свет пожара сюда едва доставал. Лодка лежала так же, как и раньше, но из-под неё теперь торчали два детских сапожка. Маленькие, кожаные, мокрые, носками внутрь.

- Спрятался! - усмехнулся про себя Ермак.

Так прячутся маленькие дети, свято веря, что если они сами ничего не видят, то и их не видят тоже. На мгновение лицо сурового атамана стало молодым и весёлым. Он ещё раз посмотрел на лодку и пошёл обратно к берегу.

Навстречу ему по мелководью уже топал Кольцо, ещё не остывший от горячки боя. Сапоги Кольца были мокры, в них хлюпала речная вода. Подойдя, Кольцо окинул берег взглядом, и его глаза остановились на перевёрнутой лодке.

- Ермак, - сказал он глухо. - Ты что, ослеп, что ли на старости лет? Мальчонка с корабля чуть у тебя между ног не проскочил. Вон, под лодкой сидит.

Кольцо хищно потянулся к ножу, но Ермак посмотрел на него холодно.

- Не трожь мальца!

Кольцо хмыкнул, без злобы, почти по-доброму.

- Ты чего, атаман? Пожалел? Он же здесь всё равно сдохнет. Или от голода, или ночью замерзнет. Если уж тебе его жалко, то хоть глазки ему выколупай. Глядишь, тогда бабы сердобольные накормят, - ухмыльнулся Кольцо своей же шутке.

- Я быстро. Душа детская, чистая. Сразу к ангелам, - сказал он и снова потянул нож из ножен.

- Кому сказано - не трожь! - ледяным голосом сказал Ермак.

Кольцо тут же замер. Он посмотрел на атамана и испугался. По-настоящему. Ухмылка с лица исчезла мгновенно, а голос сразу стал заискивающим. Нрав Ермака был хорошо известен.

- Да ты что, батя… Как ты решил, так и будет. Ты же у нас атаман. Ты над нами, мы за тобой.

Кольцо убрал вынутый было нож и отступил в сторону. Ермак ещё раз строго посмотрел на Кольцо, а потом подошёл к лодке, взялся за борт и одним движением перевернул её. На песке, мокрый и дрожащий от холода лежал Гриня. Губы у него были почти синие, а из-под рубахи выбился нательный крестик. Гриня сел.

- Не трясись, - строго сказал Ермак.

- Дяденька… - наконец выдавил из себя Гриня шёпотом.

Ермак присел на корточки, так что его лицо оказалось вровень с лицом мальчика.

- Звать тебя как?

- Гриня.

- Родные есть?

Мальчик отрицательно замотал головой.

- Мамка родами померла, - сказал он дрожащим голосом. - А тятю… - тон мальчика окончательно сорвался на плач. - Воры на корабле убили.

Гриня, роняя слёзы, зашмыгал носом.

- Вы их прогнали? – спросил он Ермака с надеждой.

- Прогнали, - сказал Кольцо и захохотал.

Ермак тут же повернул голову и так посмотрел на Кольцо, что смех у того оборвался мгновенно. Осознав ошибку, Кольцо поднял обе руки ладонями вперёд, жестом человека, который хочет показать, что ничего дурного сделать не хотел.

Ермак снял с плеч зипун, пахнущий дымом, и накинул мальчику на плечи. Тот сразу утонул в нём по самый нос.

- Идти тебе есть куда? – продолжал расспросы Ермак.

Гриня в ответ только опустил голову.

Ермак помолчал. За его спиной с треском осела мачта горящего судна, красные искры снопом взлетели в чёрное небо, а вода зашипела от соприкосновения с горящим деревом.

- Пойдёшь со мной? – решившись, спросил наконец Ермак. - Я в городок зимовать еду.

Гриня согласно кивнул в ответ и Ермак, взяв его за руку, помог подняться, а потом повёл подальше от берега. За их спинами на дно волжской протоки медленно погружался купеческий насад.